

быть названы художественными, хотя и создавались они с практической целью — предостеречь от того, что противоречит норме, образцу, идеалу христианского поведения. Мне приходилось уже показывать, какой психологической глубины достигали иногда авторы русских поучений XI—XIV вв. на темы общественной и частной морали, рисуя «отрицательные» образы нарушителей христианского идеала поведения.²⁸ Напомню хотя бы один из приведенных примеров.

Обличение лени и пьянства — тема большого числа древнерусских поучений, которые не только убеждали читателей угрозой наказания после смерти, но и стремились прежде всего показать вредные для человека последствия этих пороков уже в его земной жизни. К XIV в. описание материальных последствий лени вылилось в одном из таких «слов» в следующую выразительную форму: «Лежа добра не видати, а горя не избыти... цветных риз не нашивати, медвенного пития не пивати и сладкого брашна не едати». В этом поучении душевное состояние ленивца и отношение к нему окружающих изображается с наглядностью, свидетельствующей и о большой наблюдательности автора, и об его умении художественно обобщить свои наблюдения:

«Таковий человек ленивый и лежливый в дому не господин, жене не муж и детям не отец, и добрыми людьми незнаем; в деревне жити ленится, а на посаде не годится; в село его не пустят, а во граде и места несть. Таковий, ходя по улице, скитаяся, и, аки несытый пес, по окнам глядит, и, аки оскорбляя свиния, о углы чешется». Автор продолжает рассказ о ленивце, переводя его в описание олицетворенных пороков ленивца: «привязалася к нему ленность, аки пещер (дорожная из лык сумка, носимая за плечами) за плечами; а нищета у него в пазухе и гнездо свила, а скорбь у него по бедрам висит, а тоска и ноги связала. О люте! привязалася к нему леность, как милая жена к мужу своему, — и часто воздыхает, а разстаться не хочет! окаянные же беси аки любовные друзи; а сон тяжкий аки милый отец, злая же слабость аки родимая его мати; а упрямство и непослушание любит и держится аки брата и сестры не лишиться; а укоры и поносы и безчестие ему воздают, аки снег на главу летит». Рассказ снова возвращается к человеку, одержимому леностью: «И навикнет, окаянный, чужими трудами кормитися, аки червь капусту ясти. И от многого уныния спит без числа».²⁹

Можно ли назвать способ построения этого описания «документальным», ставящим своей целью «чисто эмпирическую констатацию единичных фактов в их поверхностной связи», или изображающим путем «идеального преобразования жизни» «стоящий высоко над повседневностью мир»? Очевидно, что художественную правдивость подобных эпизодов следует выводить из какого-то иного способа изображения, отвечавшего иной задаче, поставленной перед собой писателем. Эта задача была продиктована требованиями самой реальной жизни. Чтобы бороться с бытовыми пороками, мало было показать «чистый, светлый и прекрасный мир»; надо было поставить перед зараженным этими пороками человеком его изображение во всей неприглядности: нарисовать перед ним будущее, к какому ведут его пороки, нарисовать так, чтобы воздействовать и на его чувство, вызвать отвращение к этому образу. Отсюда и сатирические интонации

²⁸ См. подробнее об этом в статье: В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV вв. — Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР. М.—Л., 1958, стр. 15—24.

²⁹ А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, в. 3. СПб., 1897, стр. 94.